

Содержание

Скорлупы

Скорлупы	9
Санёк	35
Хороший день	61
Ты забыл край милый свой	90

Кубики

Кубики	123
Естествоиспытатель	133
Нерж	140
Малиновое	163
Овод	172
Предложение	178
Заклятье	186
Дзон	195
Старушки	206
Порно	214
Украденные глаза	221
Импотенция	246
Светлые, ясные	257
Белая	271

Скорлупы

Скорлупы

Первый аборт Никанорова сделала, ещё будучи выпускницей ПТУ, и с тех пор не останавливалась, потому что предохранялась весьма сомнительным способом, подслушанным когда-то в общаге на девичьих посиделках. Принцип заключался в высчитывании безопасных дней менструального цикла, но гормональная эта арифметика так или иначе не помогала, Никанорова ежегодно по несколько раз беременела. Время было советское, презервативы хоть и лежали в аптеках, но идеологически были настолько чуждыми, что стоили по две копейки штука, как символ бесполезности и абсурда.

Никанорова отличалась поистине редкой болеустойчивостью ко всему, что происходило с ней ниже пояса. Она никогда не испытывала дискомфорта от месячных, искренне удивляясь, почему некоторые чувствительные особи превращают жалкий ручеек крови в трагедию. Даже аборт Никанорова переносила не морщась, без наркоза. Растопырив ноги, как для соития, она с интересом

наблюдала за умелыми руками врача, споро вставляющими во влагалище хромированный расширитель с кровосточным жёлобом. Эта подготовительная картина умиротворяла, и Никанорова соглашалась с поговоркой: лучше один раз увидеть, чем семь раз выслушать, что аборт прошёл успешно.

Выдворение плода было целым техпроцессом. Ощувив, что к утробе что-то прилепилось, Никанорова предпринимала сначала домашние меры, которые всё равно не выручали, но она выполняла их больше как ритуал, предваряющий успешный аборт. Несколько вечеров подряд она распаривала брюхо в ванне, потом в течение недели глотала настои из трав, которые покупала у знакомой старухи на базаре — та гарантировала выкидыш, но у Никаноровой и с отваром не получалось. Напоследок она трижды поднимала за угол старый ореховый шкаф так, что в нём грохотали вешалки. Когда и это не помогало, Никанорова брала отгул и ехала на аборт. В приёмной она свысока поглядывала на перепуганных товарок по несчастью. Одной Никанорова как-то призналась: “А я люблю абортгы делать, после них себя такой чистой чувствую, свободной, будто крылья вырастают. Специально не предохраняюсь, чтобы это чувство снова испытать”.

То, что у других заканчивалось тяжёлыми воспалениями или бесплодием, сходило Никаноровой с рук — она никогда не хворала по женской части. В больнице ходили слухи о легендарной нечувствительности Никаноровой, врачи уважали её, зная, что она всегда принесёт коробку конфет, скажет доброе слово и быстро освободит койку.

Когда-то Никанорова была замужем, но в браке прожила недолго. У неё имелась слабость — она никому не

отказывала в близости. Число измен было б ещё больше, если бы в мужском обществе не преобладало заблуждение, что доступность выражается избыточным макияжем и вызывающей одеждой. Сложно было заподозрить Никанорову в каком-то особом распутстве, глядя на её простоватое лицо с коровьим разрезом глаз, полных ласковой тупости. Одевалась Никанорова скромно — в длинные юбки и вязаные свитера — и обувь предпочитала на плоской подошве. Впечатлительные городские мужчины гонялись за яркими бабочками, не замечая блёклую, как капустаница, Никанорову.

Зато её всю пользовали выходцы из деревень, те, в ком ещё сохранился особый хозяйский взгляд на домашнюю скотину. Они сразу замечали безотказную суть Никаноровой. Сама же Никанорова мужчин не искала, но, если с ней знакомились, не ломаясь, отдавалась в первый же вечер.

При этом она была строгих правил и никогда не позволила бы себе чего-то в её представлении извращённого. Нормой для неё был мужчина, лежащий сверху со спущенными до колен штанами. И всё это при выключенном свете, ну, или как минимум плотно зашторенных окнах.

В будни Никанорова работала швеей в ателье, по вечерам и в выходные разнообразила свой быт совокуплениями. Иногда мужчины приглашали её в кино, дарили полезные мелочи, помогали по хозяйству — чинили сантехнику, подвешивали отвалившуюся полку.

Никанорова была порядочна, никогда не предъявляла претензий за беременность, денег не просила, обходясь своими средствами. Случались в её жизни периоды одиночества, но и тогда она не унывала, а занималась вяза-

нием или смотрела телевизор — всё подряд, хоть новости, хоть балеты.

К тридцати годам Никанорова со своими регулярными абортами так примелькалась в районной больнице, что кто-то из врачей даже пытался её усовестить — подсунул трогательный продукт агитационной литературы. Брошюра была оформлена в виде дневника зародыша, где тот описывает, как развивается, как у него на двадцатый день после зачатия начинает биться сердце, появляются ручки и ножки, определяется пол. Этот червяк объясняется в любви своей маме, думает, что она тоже счастлива, умилительно гадает, какое имя она выберет ему, а потом весь этот дневниковый лепет обрывается на двенадцатой неделе, когда зародыш сухо и трагично сообщает: “Сегодня моя мама убила меня”.

Надо заметить, агитка действовала. После прочтения многие пришедшие на аборт женщины уходили со своими сохранёнными животами домой — донашивать обузу. На Никанорову брошюрка произвела обратное впечатление. Она представила себе нечто творческое, рассеявшееся за столом в её внутренностях, эдакого крошечного писателя-моралиста.

У Никаноровой было детское воображение. С тех пор после аборта она всегда высматривала в кровавых лоскутах обломки письменного столика, игрушечную лампу, микроскопическую печатную машинку. Сама Никанорова книги не жаловала, а после брошюры стала относиться к своим зародышам ещё агрессивней, с презрением называя их “писаками”.

Подтверждённое медициной наличие у эмбриона мозга, внутренних органов, волос, ногтей и даже отпечатков

пальцев — всё это говорило о неоспоримой индивидуальности, за которой Никаноровой выделялись чужеродный интеллект и связанные с ним хитрость, желание обмануть, отделаться наружу какой-нибудь кровавой тряпкой, а самому остаться в животе, выноситься, появиться на свет неважно кем, да хоть бы и инвалидом, и повиснуть на шее своей матери.

Никанорова решила быть начеку, нарочно запускала сроки, давая зародышевым костям и черепу кальцинироваться, обрасти мясом, чтобы при аборте их ни с чем уже нельзя было спутать.

Щипцами откусывались одна за другой конечности подрощенного плода, ломался позвоночник, остриём протыкалась головка, и через дыру откачивалась мозговая жидкость, чтобы сплющить размягчённый опустевший череп, как пластиковую бутылочку, — для удобного изъятия.

Прилежная врачиха всегда выкладывала из оборванных кусков целое тельце, чтоб сразу было ясно: ничто не забыто. Ещё лет двести-триста назад почти таким же лютым манером казнили особо опасных государственных преступников. Четвертованный плод лежал на лотке, точно какой-нибудь умученный Степан Разин.

В очередной раз залетев, Никанорова пошла на аборт. Отделение гинекологии находилось в небольшом здании на окраине больничного комплекса. В тот раз вычищала Никанорову её старая знакомая — заведующая Марьянова. Она сунула в холодильник принесённый Никаноровой пакет зефира и пригласила Никанорову в операционную. Срок был поздний, больше четырёх месяцев.

Внешне аборт прошёл нормально. Никанорова с удовлетворением оглядела лоток с искореженным рваным

месивом, с приставленной головкой, похожей на раздавленную сливу. Но того не могла знать ни Никанорова, ни Марьянова, что выковырянный зародыш так боролся за свою рыбью жизнь, что буквально вывернулся весь наизнанку. Видимое человеческому взгляду кровавое мясо покинуло матку, а вот окружавшая зародыша оболочка, состоящая из телесного тепла и невидимого света, — она осталась, как энергетический объём плода, который был по-своему жив, хоть и смертельно напуган. Впрочем, у этого существа не было ещё чётких эмоций, оно хотело лишь одного — выжить.

Никанорова встала и оделась, они с Марьяновой попили чаю, приятельски потрепались о мужиках — мол, сволочи, одни проблемы от них. Потом Никанорова, ни о чём не подозревая, ушла. А бестелесный зародыш продолжил развиваться в её утробе.

Следующие пять месяцев Никанорова не ощущала своей беременности. Она, конечно, обратила внимание, что месячные у неё стали какие-то странные, водянистые, но особого беспокойства это не вызвало. Всё объяснялось просто: для организма Никанорова оставалась беременной и зачать ещё раз уже чисто физиологически не могла. Наступил, быть может, самый спокойный период в её жизни. Она работала, вязала свитера, вечерами совокуплялась и смотрела телевизор, втайне надеясь, что от неё наконец-то ушла ужасная способность производить маленьких строчащих дневники существ.

Энергетическая сущность внутри Никаноровой по форме повторяла обычный человеческий зародыш мужского пола, но с единственным отличием: размеры плода практически не изменились с четырёхмесячного срока, хотя

развитие внутренних органов соответствовало биологической норме. Плод был как бы уменьшенной копией ребёнка, правда, довольно уродливой — сказывалось хирургическое вмешательство. Кюретка, изорвавшая в своё время натуральное тело, косвенно повредила и энергетическую плоть. Плод был весь исполосован жуткими шрамами.

Возможно, сторонник какой-нибудь метафизики объяснил бы данный феномен так, что аборт убил только тело, но осталась душа. Но то, что оставалось, не было душой. Скорее, это был ум, у которого появилось иное тело.

К последним месяцам беременности Никанорову чуть вспучило. Сама она решила, что просто располнела. О таких глупостях, как диеты, она не задумывалась. На неё всегда находились желающие, так что фигуру поддерживать было незачем.

Наконец пришло время родов. Вечером, в момент соития, у Никаноровой отошли какие-то газы — вонючая разновидность плодных вод, которые и мужчина, лежащий на Никаноровой, и сама Никанорова восприняли как обычный кишечный конфуз. Безболезненные схватки совпали с оргазмом. Потом Никанорова пошла подмываться — и в ванной разрешилась невидимым младенцем.

Роды прошли благополучно. Никанорова встала под душ. У неё несколько раз сжалась промежность, ей показалось, что из влагалища выпал прозрачный пузырь.

Появившись на свет, плод плюхнулся в натёкшую воду, закричав от боли и страха. Но голос его не был доступен человеческому слуху. Подмываясь, Никанорова видела, как по внутренней стороне бёдер, мешаясь со струями

воды, стекают бледные кровавые змейки. Одного не могла видеть и слышать Никанорова, как между её неухоженных ступней барахтается и надрывается уродливый младенец.

Трудно сказать, из чего он состоял. Он был практически невидим, но, как и все живые организмы, плотен относительно границ своего тела. Если бы он забрался Никаноровой под одежду, она бы ощутила его как объём сгущённого воздуха.

Именно эта воздушная природа и помогла плоду выжить. Все падения, удары были для него болезненны, но не опасны, как для младенца из реальной плоти. Оболочка плода была настолько эластична, что упав он сверху на торчащую иголку, то не проткнулся бы, а просто повис, растянувшись кожей в точке укола.

По развитию плод опережал своих натуральных сверстников. У него были отлично развиты обезьяньи хватательные рефлексy. По сравнению с обычным младенцем он был весьма крепок — за счёт ничтожного веса в соотношении с конкретной мышечной силой.

Никанорова вернулась в комнату, а оглушённый плод волочился за ней по полу, как дохлый щенок на поводке. Некому было перерезать пуповину — хотя бы потому, что её тоже никто не видел. Сотворённая из такой же потусторонней плоти, пуповина осталась прикреплённой к фантомной плаценте и плодному пузырю, которые не вышли из Никаноровой после родов. Почему не вышли — вопрос из области парапатологического акушерства.

Никанорова улеглась спать, а плод по пуповине вскарабкался на кровать. Он проголодался и, чуя животным инстинктом источник пищи, переполз к материнской груди. Когда Никанорова заснула, он принялся её раз-

даивать. Молока, разумеется, не было, но плоду вряд ли бы подошло настоящее молоко. Тем не менее в груди Никаноровой обнаружился некий прототип молока, невидимый жидкий субстрат, развившийся вместе с плодом. Это эрзац-молоко вполне удовлетворяло вкусам новорождённого.

Наевшись, плод перебрался на ночёвку в вагину — от туда пахло домом, родной утробой, где он провёл первые девять месяцев жизни. Плод, хоть и смутно, помнил кровавый кошмар, творившийся в матке пять месяцев тому назад, но справедливо полагал, что внешний новый мир может оказаться более жестоким.

Утро доказало ему, что влагалище — место небезопасное. Плод натерпелся страху, когда проснувшийся самец влез на Никанорову для совокупления. Вначале исколотил членом, а потом чуть не утопил в тягучем, как мазут, семени.

Невидимый был, конечно, не так беззащитен, как обычные младенцы. Организм его быстро справлялся с ушибами, не был подвержен обычным человеческим инфекциям, хотя, вполне возможно, бытие предусмотрело для него свои особые недуги.

Плод быстро вырослел и обучался. Пережитая новая опасность сделала его осторожнее. Заслышав рокочущие похотливые обертоны самца, плод быстро выползал из укрытия и во время полового акта лежал рядом на простыне или же свешивался, как альпинист, на невидимой пуповине с края кровати и дремал.

Первые дни плод пытался привлечь к себе мать криком, но та не слышала. Он поглаживал, трогал Никанорову. Лёгкие его прикосновения оставались без ответа.

В лучшем случае она воспринимала сына как зуд, чесалась и скидывала на пол. Плод ударялся, голосил, снова взбирался, но более активное его вмешательство — щипки или даже укусы — давало худший результат: Никанорова начинала шлёпать себя, ворчливо греша на кровососущих насекомых.

Нельзя сказать, что она совсем не ощутила сыновнего присутствия. С его рождением появились резкие и сложные запахи. Пахла постель, квартира, одежда и сама Никанорова. Всё объяснялось тем, что плод, как любой младенец, мочился и испражнялся где придётся. Кроме того, Никанорова испытывала постоянную вспученность в области гениталий. Плод, хоть и был относительно бесплотным, сохранил объём. Температура его соответствовала материнской, поэтому, когда он пристраивался у Никаноровой в паховой впадине, та ощущала сына жировой складкой своего тела.

Он появился на свет в апреле, а уже к середине лета настолько окреп, что перестал прятаться в трусах или во влагалище. Спал рядышком на подушке, а днём сидел на плече и, чтоб не слететь от тряски, держался ручонкой за волосы матери. Пуповину он пропускал по спине, чтобы Никанорова неловким движением не скинула его.

Однажды такая неприятность случилась на проезжей части, его даже задела проезжающая машина. Удар разmozжил бы кости натуральному ребёнку. Энергетический плод испытал сильнейшую боль, и неслышного крику было на всю улицу. Но он выжил, потому что был лёгкий и прочный. Из последних сил он перебрался к матери под трусы и отлёживался неделю, пока сотрясение мозга, переломы и трещины не перестали давать о себе знать.